

Это был третий день.

Двадцать девятое число третьего месяца весны.

Три дня назад князь Цзинчэн из Южной Чу, Сяо Шанли, отправил письмо с просьбой о встрече на остров Пэнлай и, отплыв на корабле, провёл две ночи в море, но до сих пор не получил ответа от острова Пэнлай.

Ночью на Южном море разыгрался сильный шторм. Волны бушевали, мачты качались, два фонаря погасли, и телохранители, одетые как слуги, обменялись взглядами, уговаривая:

— На море бури стремительны и непредсказуемы. Ваше высочество, драгоценное дитя, ещё не оправились от ранений, зачем унижаться, посещая этот ничтожный остров Пэнлай!

Князь Цзинчэн был в смятении.

Князь Цзинчэн Сяо Шанли был всего шестнадцати или семнадцати лет, на нём была серебристая лисья шуба, но даже под её объёмом можно было разглядеть его худощавую фигуру и узкую талию, которые почти уносило ветром в широких рукавах одежды. Он был ещё юношей, но в темноте моря его лицо, обрамлённое красной одеждой, было настолько прекрасным, что могло осветить всю комнату без помощи свечей.

Он легонько прижал руку к груди под шубой, где рана под одеждой пульсировала болью. Недавно на празднике в честь Нового года его старший брат, князь Цыян, приказал наёмникам убить князя Инчуань. Чтобы защитить отца, он получил стрелу в грудь, от боли потерял сознание, и кровь, стекающая с его одежды, пропитала пол. В полузабытьи он слышал, как отец в гневе приказал казнить двадцать с лишним человек, связанных с этим делом, а лекари, несмотря на все усилия, не могли остановить кровь.

Потом... кто-то пришёл ночью к его постели, погладил его по голове, и он отчётливо помнил, как тот извлёк что-то маленькое и живое, что заползло в его рану. После мучительной боли и зуда Сяо Шанли с трудом открыл глаза, весь в поту, и увидел у своей кровати свою невестку. Его единственный единокровный брат, старше его на пятнадцать лет, был наследным принцем Южной Чу, но три года назад умер от болезни, и с тех пор его невестка, госпожа Гу, жила уединённо. Теперь она была истощена, на её запястье была повязка, пропитанная кровью, и её поддерживала служанка, настолько слабая, что она едва могла держаться в своих украшениях.

Она тогда тихо сказала князю Цзинчэну:

— Отправляйся... на остров Пэнлай.

Невестка была приёмной дочерью предыдущего правителя острова Пэнлай, и Сяо Шанли догадался, что это лекарство, вероятно, было чем-то вроде гу, о котором не говорили в мире. Оно могло проникнуть в сердце и спасти жизнь. Но она не знала, как долго сможет держаться его тело после такой поспешной смены хозяина гу. Обстоятельства вынудили его склонить

голову перед ненавистным ему миром боевых искусств.

Его отец и мать даже не знали о гу, которое дала ему невестка, и другой телохранитель горячо сказал:

— Прошу ваше высочество подумать ещё раз и вернуться!

В кромешной тьме, между небом и морем, лил дождь. Молния осветила его фигуру, и под шубой Сяо Шанли скрежетал зубами:

— Клан Лэ не хочет меня видеть, хорошо.

Его лицо было мокрым от дождя, он смотрел на тёмные тучи, и в его глазах горел огонь:

— Даже небо против меня! Я останусь здесь, не отступлю ни на шаг! Посмотрим, как клан Лэ с острова Пэнлай справится с ответственностью, если с принцем что-то случится в море!

В эту ночь, в сотне ли от него, был остров, высокий, как гора, под названием Пэнлай. Ходили слухи, что в море есть огромные киты, которые спят сотни лет, и их дыхание превращается в облака, а Пэнлай — это место, где спит кит, всегда скрытое в облаках.

Когда первый император Чжоу завоевал Поднебесную, он разделил девять провинций на четырнадцать государств и раздал земли своим подданным. Предок клана Лэ отказался от своих земель, попросив лишь одинокий остров в море. Первый император согласился и установил памятный камень, постановив, что пока существует династия Чжоу, остров Пэнлай будет находиться за пределами четырнадцати государств, не подчиняясь приказам императора или князей. Таким образом, клан Лэ с острова Пэнлай, хотя и оставался в мире боевых искусств, никогда не вмешивался в дела государств, но получил прозвище «одинокий князь за морем».

На острове Пэнлай, в Павильоне Восьми Ветров.

Ночной дождь наполнил глубокие ущелья, а за длинным коридором возвышались древние деревья. Павильон Восьми Ветров был соединён восьмью деревянными коридорами, перила которых уже промокли от дождя. В шуме ветра и дождя молодой человек лет двадцати, с изысканной внешностью, в синей одежде спокойно держал в руке лампу с горящим жиром и несколько свитков, идя по одному из коридоров в ряд просторных соединённых комнат. Обогнув два жаровня, слуга открыл дверь, и в соседней комнате семь или восемь учёных, сидя на низких столиках, редактировали тексты и, увидев его, улыбнулись:

— Брат Линь тоже вышел, господин Гу действительно не ошибся!

Эти люди были хранителями библиотеки на острове Пэнлай, а господин Гу, о котором они говорили, был Гу Синьчи. Господин Гу вырос вместе с нынешним правителем острова Пэнлай, Лэ Юем, и был ему как брат. Новый правитель Лэ Юй был человеком, который не любил следовать правилам. С тех пор как он стал правителем, на острове Пэнлай его до сих пор

называли молодым господином, и даже его проблемы становились предметом шуток и споров, на которые он не обращал внимания.

Линь Сюань взял у слуги горячее полотенце и, вспомнив, как в Зале Цзинни повсюду летали свитки и кисти, с сожалением ответил:

— Молодой господин на этот раз сильно разозлился, я не смог его успокоить, и, боюсь, это дойдёт до госпожи, чтобы его остановить.

Под «госпожой» они подразумевали мать Лэ Юя. На острове Пэнлай традиционно передавалось, что предыдущим правителем был не его отец, а его мать, Лэ Сяньюй, которую называли госпожой Сяньюй. Пять лет назад, когда Лэ Юю было двадцать два года, Лэ Сяньюй передала остров своему единственному сыну и уехала, неизвестно куда.

Линь Сюань протянул свитки:

— Архивы для государства У.

И вспомнил:

— А князь Цзинчэн из Чу всё ещё ждёт у ворот в море?

— Именно так, — с улыбкой вставил пожилой учёный. — Вчера молодой господин сказал, что занят фехтованием, не принимать; позавчера сказал, что занят каллиграфией, не принимать; а сегодня что сказал?

Линь Сюань сдерживал смех:

— Сегодня он высмеял князя Цзинчэна, сказав: «Бесстыдник». И добавил: «Я никогда не видел, чтобы кто-то так нагло стоял у чужого дома, угрожая смертью».

За его спиной раздался смех. Лэ Юй часто комментировал других людей, и его слова всегда были точными и забавными. Он не спешил снимать обувь, чтобы сесть, и ещё двое слуг подняли светло-зелёную толстую занавеску, когда он направился вглубь кабинета.

В кабинете тихо горел жаровень с узором сливы, и Линь Сюань сначала позвал:

— Господин.

Человек, сидящий за длинным столом и опирающийся головой на руку, опустил руку и кивнул.

На краю стола стоял каменный сосуд для свитков, а рядом с ним сиденье из травы было заменено на шёлковое. Этот человек, одетый как учёный, в зелёной одежде, сидел прямо на сиденье, это был Гу Синьчи. Он был наполовину в свете лампы, а за его спиной была стена с книжными полками. Перед ним лежал длинный чёрный стол с блестящей, как вода,

поверхностью, покрытой трещинами, как змеи, древний предмет, на котором были сложены горы свитков. Он любил сливы, поэтому даже подставка для кисти была сделана в форме ветки сливы, а сам он был похож на сливу, закалённую морозом, больной, но не слабый, только его лицо было бледным и усталым.

Гу Синьчи был учителем Линь Сюаня, и Линь Сюань, оставшийся без родителей, полностью зависел от его заботы. Линь Сюань знал, что его учитель был более чувствителен к холоду, чем другие, и, стоя у двери, дал себе немного остыть, прежде чем подойти.

На острове Пэнлай большинство людей с детства считались гениями. Гении часто бывают гордыми, и на острове Пэнлай обычно не было строгого разделения между старшими и младшими, шутки и смех были обычным делом. Линь Сюань тоже часто шутил с коллегами. Но с господином Гу он вёл себя иначе, он относился к Гу Синьчи с уважением и заботой.

Господин Гу управлял библиотекой, в которой хранились книги, которые нельзя было найти в других государствах, их было огромное количество. И каждый год он составлял списки важных событий в мире боевых искусств, рейтинги мечей, и все эти тексты выходили из-под его пера.

Когда его спрашивали, Линь Сюань только улыбался: господин Гу был другим. Его энергия была драгоценной, поэтому он был готов делать для него все мелкие дела, даже если за пределами острова он уже был самостоятельным человеком. Линь Сюань молча сел рядом с ним на колени, разбирая стопку готовых свитков справа от Гу Синьчи. Список на следующий месяц уже дошёл до девятнадцатого места в рейтинге мечей, и красивые иероглифы, написанные твёрдой рукой, только высыхали, и он улыбнулся.

Гу Синьчи спросил:

— Почему ты улыбаешься?

Линь Сюань легко ответил:

— Как я могу не радоваться, если я первым читаю суждения господина?

Гу Синьчи тоже улыбнулся и спросил Линь Сюаня:

— Молодой господин всё ещё злится?

Линь Сюань задумался:

— Хм. Переписывает стихи.

Видя усталость на его лице, он решил разрядить обстановку и пошутил:

— Пишет: «Безбрежное море и далёкий путь к Пэнлаю». ...А последние строки, кажется, такие: «Даже если трон разрушится и зароет терновник, зачем плакать, слушая цинь?».

Гу Синьчи не мог не улыбнуться:

— Какой глубокий гнев.

Но это было ожидаемо и понятно.

<http://bllate.org/book/15272/1348043>